

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА О ПЕРЕВОДЕ СТИХОВ

Светлой памяти Юрия Давидовича Левина

Материал, рассматриваемый в этой статье, представляет собой фрагмент некогда живой литературной жизни. В нем запечатлен момент спора Тредиаковского с Ломоносовым и Сумароковым о переводе на русский язык произведений поэзии. Включенное Тредиаковским в предисловие к своему собранию «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (1752) рассуждение о переводе не подвергалось комплексному исследованию, и содержащаяся в нем полемика, таким образом, до сих пор оставалась неизвестной.

Предисловие «К читателю» открывает первый том «Сочинений и переводов» и, вероятно по замыслу автора, должно было стать кратким обзором собранных в издании разнородных по своему характеру материалов для облегчения их восприятия. В предисловии перечислены все произведения или разделы двухтомника, каждому из которых дана более или менее краткая характеристика. Однако уже с первых абзацев замысел несколько формального предисловия-аннотации был нарушен, и пространные рассуждения по поводу двух первых публикуемых произведений превратили предисловие «К читателю» в теоретическую статью. Явная диспропорция в характеристике переводов «Науки о стихотворении и поэзии» Н. Буало и «Эпистолы к Пизонам о стихотворении и поэзии» Горация могла быть вызвана разными причинами. К одной из них можно отнести местоположение этих произведений в издании: своему пристрастию к пространным рассуждениям Тредиаковский отдался с первых слов предисловия, и для столь же подробного разбора других произведений уже не оставалось места. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что именно те произведения, которые он считал важным подробно обсудить, помещены первыми. Признанию за ними наибольшей важности могла бы служить сама структура

издания, если бы в ней просматривалась выверенная стройность. Однако действительной стройности тома не имеют, и, хотя первый из них состоит главным образом из теоретических трактатов, его завершает раздел «Эзоповых басенок», мешающий считать том собранием филологических работ. В то же время во второй том включены наряду со стихотворными произведениями филологические статьи и философские трактаты. Разнородность содержания второго тома отчасти объясняется внешними причинами, помешавшими осуществлению первоначального замысла его содержания,¹ думается, что говорить о строгой композиции издания, подобной той, которая установилась в издательской практике в XIX в., было бы натяжкой. В издании Третьяковского скорее, чем строгий порядок, просматривается тенденция к упорядочиванию материала. Помещение в начале издания двух авторитетнейших трактатов по вопросам поэзии, Буало и Горация, а за ними своего собственного трактата о русском стихе («Способ к сложению российских стихов») отражает, по-видимому, стремление к порядку и было сознательным, а не случайным решением. Переводы поэтологических трактатов впервые во всей полноте познакомили русских читателей, не знавших иностранных языков, с признанными законами поэтического искусства. С указания на важность помещаемых им пособий Третьяковский и начинает о них разговор. Однако непосредственно после этого следует теоретическое рассуждение о проблеме их перевода. Именно проблеме перевода и уделено более трети всей статьи «К читателю». Если спроецировать предисловие на все издание, более трети объема которого составляют переводы в стихах и в прозе, то может стать понятным не только пафос этого места предисловия, но и значение в издании «Сочинений и переводов» второй составляющей — «переводы». Все они очевидно призваны служить образцами переводческого искусства, и именно как искусство-наука переводческое дело и осмысливается Третьяковским в предисловии. Выдвинутые им 14 «главнейших критериев, то есть неложных знаков доброго перевода стихами с стихов», подчиненных важнейшему требованию — точности перевода на разных уровнях стихотворного текста, были исследованы Ю. Д. Левиным.² Сейчас нас больше интересует та часть проблемы, которая прямо не связана с «критериями» и потому ранее не привлекала к себе внимания, но которая для Третьяковского чрезвычайно, очевидно, важна и формулируется им еще до «критериев».

¹ Об истории издания «Сочинений и переводов» см.: *Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Третьяковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // *Русская литература.* 1982. № 3. С. 138—142; *Алексеева Н. Ю.* «Сочинения и переводы»: история издания // *Третьяковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / Сост. Н. Ю. Алексеева. (В печати).

² *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода // *Международные связи русской литературы.* М.; Л., 1963. С. 10—11.

Перечень «критериев» занимает в статье несколько строк, а до того целые страницы отведены вопросу о самой возможности перевода. Хотя сам этот вопрос им прямо не формулируется, приведенные им многочисленные примеры признанных древнеримских и французских опытов перевода не могут быть иначе поняты как доказательство самой возможности «доброто» перевода. Рассуждение Трѣдиаковскаго носит полемический характер, он не высказывает, а скорее, отстаивает мнение о правомерности перевода как такового. Рассуждение на эту тему может показаться странным, и уж совсем непонятен пыл Трѣдиаковскаго. Кажется, что он ломится в открытые двери, ведь трудно предположить, что в 1752 г. могли возникать сомнения в возможности перевода. Однако, если автор свое мнение ревностно отстаивает, значит, оно, мнение, в этом нуждается, и есть люди, с ним не согласные. Действительно, если вернуться в начало длиннаго пассажа о переводе, обнаружится незаметное при первом чтении место. Говоря о предпринятом им труде над переводом Буало, Трѣдиаковский с горечью замечает, что вместо заслуженных похвал он, скорее, встретит «укоризны и похуления». Их он ожидает услышать от «различных пристрастий языков», которые, по его мнению, «не преминут, может быть, разглашать следующее: 1) „Возможно ль статья, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинныя, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?“ 2) „Да как сему пиитическому переводу быть притом и хорошему потому, что трудившийся употребил тут же хорейский гексаметр, который токмо нежен, а не один ямбический, кой есть высок и благороден?“».³ В приведенном месте проявляется характерная для Трѣдиаковскаго манера высказывания — некоторая недосказанность в нем сочетается с педантической точностью. В ходе общих рассуждений о достоинствах перевода намек на критику непонятен, а в то же время сама эта критика воспроизведена точно, на что указывает ее графическое выделение как цитаты. По-видимому, Трѣдиаковский здесь передает реплики своих оппонентов, причем оппонентов не мысленных, а вполне реальных. Верность этого предположения подтверждает история текста предисловия.

Попавшее в составе рукописи «Сочинений и переводов» на апробацию к Г. Ф. Миллеру и И. К. Тауберту предисловие вместе с первым томом было разрешено к печати, но рецензенты в своем отзыве, в частности, отмечали, что то, «что показалось им в предисловии несколько жестковатым или чтобы за уязвление от кого-нибудь принято быть могло, оное все автор при них переправил».⁴ Уже

³ Трѣдиаковский В. К. К читателю // Трѣдиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: В 2 т. СПб., 1752. Т. 1. С. V.

⁴ Пекарский П. Трѣдиаковский Василий Кириллович // Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 164.

А. Б. Шишкин, опубликовавший наиболее значительные из изъятых мест, связал их с ведушейся с конца 1740-х гг. «жесточенной полемикой» Третьяковского и Ломоносова с Сумароковым.⁵ Однако сам анализ этих мест им произведен не был, и его заключение осталось хотя и правдоподобным, но ничем не подтвержденным. Вычеркнутые места не влияли на существо обсуждаемых в статье вопросов, но они заметно меняют характер самого обсуждения, на что обратил внимание А. Б. Шишкин.⁶ Помимо четырех исключенных фрагментов, опубликованных Шишкиным и связанных с вопросами перевода и семантики метра, правка коснулась многих выражений этой части статьи и была направлена не только на смягчение или устранение «жесткости», но и на повсеместное изъятие личных местоимений. Так, приведенное выше место заканчивалось первоначально иначе: «трудившийся употребил тут же хорейский гексаметр, который токмо нежен, [и мы его не любим], а не один ямбический, кой есть высок и благороден [и тем искусным людям мил]».⁷ Все личные обращения, переданные местоимением *вы* во всех падежных формах, были вычеркнуты и в необходимых случаях обороты с ними заменены, всего таких исключений 30. Но местоимение *вы*, как известно, может относиться и к одному, и к нескольким лицам. Если восстановить все эти места, то основная часть статьи превращается в форму открытого письма, адресованного определенному лицу (или лицам). Отдавая в этом себе отчет, Третьяковский обрамил эту часть обращениями к читателю, в которых просил простить ему отступление и прямо указывал, что рассчитано оно не на него. «Благосклонный читатель <...> прошу вас не быть токмо на несколько времени слушателем.⁸ Я теперь желаю с разглашающими неправду поговорить заблаговременнее так, как будто б самолично, положив, что они всеконечно ею повсюду и при всех, где и при ком ни будут, греметь с стремлением потшатся: в том их собственная состоит польза, ея они пренебрежи не захотят»,⁹ — такими словами, затем изъятими, предварялось при-

⁵ Шишкин А. Б. К истории работы В. К. Третьяковского над «Сочинениями» (неизданные материалы). С. 140.

⁶ Там же.

⁷ СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 78. Л. 7. Здесь и далее купюры Третьяковского даются в квадратных скобках.

⁸ Эта фраза может быть понята двояко: 1) *прошу вас токмо на несколько времени не быть слушателем*, то есть пропустить это место; 2) *прошу вас на несколько времени не быть токмо слушателем*, то есть принять участие в полемике и выступить свидетелем спора. Более вероятным кажется первое прочтение, больше соответствующее как логике языка, так и логике полемики, в которой автор, забывая о читателе, обращается исключительно к своим оппонентам. Такое прочтение подтверждает и заключительная изъятая фраза: «И уже паки, благосклонный читатель, обращаю мое слово...», то есть: снова обращаю к тебе, читатель.

⁹ СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 78. Л. 7.

веденное уже место с перечислением пунктов мнений оппонентов. А заканчивалась полемическая часть статьи следующим образом: «И уже паки, благосклонный читатель, обращаю мое слово, прося прощение, что несколько долею надлежащего употребил в мою пользу вашу терпеливость, защищая себя от несправедливых нареканий, надменных и самомнительных пристрастий или оные приводя в братолюбную должность».¹⁰ Вопрос в том, кто был адресатом этой части статьи, близкой к открытому письму или защитительной речи.

Та часть статьи, в которой обсуждается достоинство хорей и ямба, очевидно направлена против Ломоносова. Приведенная в ней позиция противника полностью повторяет известную по давней статье Тредиаковского «Для известия» позицию одного из участников спора 1743 г. о семантике метра, а именно Ломоносова. На обращение к Ломоносову указывает и исключенный затем пассаж о его «отеческой горячести» в отношении ямба: «...я употребил тут хорейский гексаметр, [по вашему, нежный и умильный и вам нелюбимый], при ямбическом, [который вы превозносите высоким и благородным и к нему отеческую имеете горячесть...]».¹¹ Здесь, как и в других местах при обсуждении значения хорей и ямба, за местоимением *вы* стоит, очевидно, один Ломоносов, ведь только он справедливо мог притязать на «отцовство» ямба. Сомнительно также, чтобы третий участник спора 1743 г., Сумароков, в 1752 г. разделял позицию Ломоносова в вопросе о значении метров: он уже в 1744 г. написал торжественную оду «На государя Петра Великого» хореем, продемонстрировав тем самым изменение своего прежнего взгляда на преимущество ямба. Можно было бы думать, что и во всех других местах полемической части статьи Тредиаковский обращается к Ломоносову, во всяком случае, логика речи статьи этому не препятствует. Тогда и первый пункт критики перевода Тредиаковского, с которого начинается полемическая часть статьи, принадлежит Ломоносову, и именно он сомневается, может ли «статься, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинные, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?». Такой взгляд на перевод со стороны Ломоносова, ученика Славяно-греко-латинской академии и последователя немецкого классицизма, кажется неожиданным. И в русской литературной традиции, и в немецкой стихотворному переводу уделялось большое внимание.¹² Ломоносов начал свой поэтический путь со стихотворных перево-

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 12 об.

¹² Вопрос о зависимости взглядов Ломоносова на перевод от теории И. Хр. Готтшеда был затронут Г. Грасгофом, см.: *Graßhoff H. Lomonosov und Gottsched. Gottscheds «Ausführliche Redekunst» und Lomonosov «Ritorika» // Zeitschrift für Slawistik. 1969. Bd. 6. H. 4. S. 503—505.*

дов и довольно много переводил в первые годы своего творчества (1738—1742), в поздние годы им был создан прославленный перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастье» (1760). Хотя сам он в конце 1740—начале 1750-х гг. и не переводил, его замечательный ученик Н. Н. Поповский прославился именно переводами, к которым приступил в 1752 г., как раз в то время, когда Ломоносов руководил его поэтическим творчеством, и в то время, когда Тредиаковский писал свою статью «К читателю». Если бы Ломоносов полагал, что перевод, а тем более стихотворный перевод, невозможен, едва бы из-под пера Поповского вышли его стихотворные переводы од и «Письма к Пизонам» Горация, которые Ломоносов, высоко оценив, рекомендовал к изданию. Кроме того, считать Ломоносова противником переводов стихами мешает указание Тредиаковского, что «похуления» его переводу Буало будут «разглашать» «различных пристрастий языки», о которых далее говорится во множественном числе. Итак, перед нами по крайней мере двое оппонентов. И судя по тому, как характеризуется их поведение, один из них — Сумароков. Ведь именно он «повсюду и при всех, где и при ком» ни был, говорил о поэзии, прилюдно издевался над Тредиаковским, делая ему «несправедливые нарекания» и выказывая этим «надменные и самомнительные пристрастия». Именно он «гремел повсюду» об оплошностях Тредиаковского и именно он, эмоциональный, нервный, раздражительный, был склонен вообще к «воплю». Ломоносов действовал иначе. Коллега Тредиаковского, он уже в начале 1750-х гг. имел в Академии наук достаточный вес, чтобы не прибегать к публичному шельмованию противника, а ограничиваться академической процедурой запретов на его деятельность. Описанное Тредиаковским поведение критиков, единых в своем «вопле» и разглашении «похулений» на его перевод, позволяет представить и позицию их единой, что, думается, неверно. Единоы они только в своем возмущении работой поэта-переводчика, а причины возмущения у них разные. Ведь эти неназванные «языки» имеют «различные пристрастия», что, конечно, может быть понято так, что каждый из них обладает разными пристрастиями, но также, что каждый из них имеет свое особое пристрастие. Второе понимание кажется более верным как потому, что слово *различный* уже указывает, что пристрастия оппонентов *различаются* между собой, так и потому, что слово *пристрастие* здесь употреблено в смысле, близком к *убеждению*; а говорить о *различных убеждениях* противника в споре, значит, упрекать его в беспринципности, чего Тредиаковский, при всей резкости и неумолимости полемики, никогда не делал. Противники обладают *различными* убеждениями (пристрастиями), то есть у каждого из них есть свое особое убеждение, на основании которого они оценивают перевод Тредиаковским «Науки» Буало. Выше уже говорилось, что Сумароков не мог в 1752 г. разделять взгляды Ломоносова на исключительное благородство ямба. Ямб был «пристрастием» Ломо-

носова. А Ломоносов едва ли настаивал на невозможности стихотворного перевода стихов. Видимо, первый пункт приведенной Тредиаковским критики на него принадлежит Сумарокову. Именно он сомневался в успехе стихотворных переводов. И в этом заключалось его «пристрастие».

Правомерность предложенного прочтения этого места статьи Тредиаковского подтверждается рядом косвенных доказательств. Речь идет о «Науке поэзии» Буало, к переводу которой Сумароков никак не мог отнестись беспристрастно. Незадолго до работы над переводом Тредиаковского Сумароков первым познакомил русского читателя со сводом законов поэзии классицизма по Буало, переложив его «L'Art poétique» на русский язык в эпистоле «О стихотворстве» (1747). Полный и точный перевод Буало вступал в состязание с трудом Сумарокова и, очень возможно, был вызван именно им. Тредиаковский находил эпистолу, как и все «сочинения» Сумарокова, исполненной «великих недостатков», об этом он в разных местах говорит в «Письме от приятеля к приятелю» (1750), в которой она осталась неразобранной, вопреки первоначальному его намерению, *из-за возникшей усталости после разбора двух од и одной трагедии*: «...окончиваю рассмотрение мое об авторовых сочинениях. Поистине, государь мой, я и от половины, по несчастию моему, устал. Но что ж бы то было, ежели б мне и другую половину трудов его, по обещанию моему, разбирать? Однако вы ничего от того не могли потерять: все его как оставшиеся сочинения, так и впредь будущие, все, доношу я, равныя находятся и будут силы».¹³ Тредиаковский скептически отнесся к переложению Сумарокова «Науки о стихотворстве», Сумароков, зная Буало, вероятно, почти наизусть, не мог принять тяжеловесных русских стихов за равноценные французскому оригиналу. Перелагая, а не переводя Буало, Сумароков, вероятно, намеренно избегал той великой трудности, которую являет собой перевод признанного и хорошо знакомого многим произведения. Оценить может быть и не столь очевидный, но несомненный успех Тредиаковского, переведшего «Науку» стих в стих и чрезвычайно точно (это самый точный из переводов на русский язык знаменитой поэтики), Сумароков не хотел и не мог. В его глазах опыт Тредиаковского только доказывал, что стихотворный перевод не сохраняет «силу и красоту подлинника» и что избранный им самим способ передачи «Науки» много более выигрышный. Он не был в творчестве Сумарокова исключением. Не занимаясь, сколько известно, в 1740-е гг. переводами, Сумароков часто в первое десятилетие своего творчества прибегал к переложениям. На это об-

¹³ Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю... // Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 495.

ратил внимание еще Тредиаковский, перечислив опубликованные к 1751 г. произведения Сумарокова с указанием их источников.¹⁴ Используя чужие произведения, вплетая в ткань своих произведений прямые из них цитаты, Сумароков несколько не нарушал принятой литературной нормы, но стоит обратить внимание на то, что, так тяготея к иностранной литературе, прежде всего к французской поэзии, неплохо, по-видимому, ее зная, он в 1740-е гг. не подарил русской культуре ни одного перевода. Тогда как Тредиаковский от младых ногтей и до старости лет непрестанно переводил. За таким разным отношением к переводу Тредиаковского и Сумарокова стоит не только разная культурная установка Тредиаковского-просветителя и Сумарокова-поэта, но и разное их понимание перевода как явления.

Против точности перевода как основного его достоинства Сумароков выступил уже в эпистоле «О русском языке», 29—30-й стихи которой: «Иль слово в слово он в слог русский переводит, Которо на себя в обнове не походит»¹⁵ П. Н. Берков предположительно относил «к академическим переводчикам конца 1740-х годов».¹⁶ А между тем требование перевода «слово в слово» выдвигается в статье Тредиаковского «К читателю» как важнейший критерий «доброто перевода» («чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же»), и выполнение его в переводе «Науки» Буало он ставит себе в заслугу. Тредиаковский здесь несколько не противоречит академическим принципам перевода, восходящим, как и сформулированные им критерии, к русской переводческой школе, полученной им, как и другими переводчиками Академии наук, в стенах Славяно-греко-латинской академии. Таким образом, 29—30-й стихи эпистолы Сумарокова могли относиться к русским переводчикам вообще, но скорее все же они были направлены персонально против Тредиаковского. Они предваряют пассаж из 14 строк (стихи 31—44) с негативной оценкой творчества неназванного автора, которую уже П. Н. Берков предположительно относил к Тредиаковскому. По непонятной причине он основывался при этом не на самом содержании строк, в которых особенности творчества Тредиаковского проступают более чем явно, а на его рапорте в Академию наук, в котором обе эпистолы именуются «злостными сатирами».¹⁷ В кого иного, как не в Тредиаковского, могли метить, например, стихи 33—34: «Тот прозой и стихом ползет и письма оны, Ругаючи себя, дает писцам в законы», намекающие на его «Новый и краткий

¹⁴ Там же. С. 441.

¹⁵ *Сумароков А. П. Эпистола I. [О русском языке]* // Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 113. (Библиотека поэта).

¹⁶ *Берков П. Н. Примечания* // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 527.

¹⁷ Там же.

способ к сложению российских стихов» (1735), или стихи 39—42: «Я сам себя хвалю: на что мне похвала? И знаю то, что я искусен дозела. Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен, Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен», обыгрывающие, по-видимому, не столько употребление Тредиаковским устаревшего церковнославянизма «зело» (по крайней мере в письменной речи он его не использовал), сколько его пристрастие к букве «зело» (s) вместо «земля» (z). Требование Тредиаковского употреблять на письме «зело» осмеивается Сумароковым и в комедии «Тресотиниус» (1750). По всей видимости, критическое (или сатирическое) по отношению к Тредиаковскому место начинается в эпистоле с 29-го стиха, в котором оспаривается самый принцип точного перевода, отстаиваемый Тредиаковским в статье «К читателю». Легко предположить, что Тредиаковский, неустанно занимавшийся переводами, с немалым трудом добываясь в них точности, гордился своим искусством переводить «слово в слово» и до своего опыта в переводе «Науки» Буало. Примером такого точного перевода уже в 1740-е гг. может служить его перевод «Древней истории» Ш. Роллена, начатый им в 1738 г. Однако именно он стал в сознании Сумарокова символом ужасного перевода. Спустя много лет, когда Тредиаковского давно уже не было в живых, Сумароков, говоря о дурных переводах, всякий раз вспоминал именно перевод «Древней истории», находя его, по-видимому, наиболее выразительным примером порчи при переводе русского языка. В статье «О правописании», написанной не ранее 1771 г., когда, казалось бы, всякая актуальность переводческой теории и практики Тредиаковского прошла, он вспоминает «„Древнюю историю“ неоцененного Роллина», которая «в переводе нашем подает читателю, не знающему чужих языков, некоторое ему познание, к малому просвещению без других знаний, и ко прогнанию скуки, а язык наш как моровая заражает язва».¹⁸ И почти то же он повторяет в статье «Примечание о правописании», написанной двумя годами позже: «Обогащается общество переводными книгами, но сии книги в потомстве почти все исчезнут, и веку нашему славы они не принесут: лучше бы никогда не просвещати, не знающих чужих языков Ролленовой „Историей“, нежели ею срамить язык и склад наш».¹⁹ «Древняя история» называется Сумароковым не потому, что она отличается своим стилем от перевода Тредиаковского «Римской истории» Роллена или от его перевода «Аргениды» И. Баркляя, над которым они вместе с Ломоносовым смеялись,²⁰ а очевидно потому, что она осталась в его памяти первым, а потому и

¹⁸ Сумароков А. П. О правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Собраны и изданы <...> Николаем Новиковым: В 10 т. 2-е изд. М., 1787. Т. 10. С. 23.

¹⁹ Сумароков А. П. Примечание о правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. Т. 10. С. 41.

²⁰ Там же. С. 40.

самым ярким примером искажения при переводе «склада» русского языка, вызвавшего, по-видимому, еще в те годы его возмущение. Не е ли имел он в виду в 77—78-м стихах той же эпистолы «О русском языке»:

Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.

В конце 1740-х гг. переводов с французского языка издавалось еще мало. Это место прямо перекликается как с процитированным уже 29-м стихом эпистолы: то, что «в точности» повторяет французский оригинал, по-русски звучит «скаредно» («...слово в слово он в слог русский переводит, Которо на себя в обнове не походит»), так и с ее 31-м стихом: «Тот прозой скаредной стремится к небесам». «Скаредной прозой» вполне мог быть назван перевод «Древней истории». В стихах 75—94-м Сумароков как будто дает ответ на критерии «доброто перевода» Тредиаковского, ставшие достоянием публики только спустя четыре года после эпистолы:

По сем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ,
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни перевода, что склад в творце готов:
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся... и т. д.

Эти 8 стихов и вправду могли служить ответом Тредиаковскому, который, вероятно, свои взгляды на перевод высказывал в разговорах и до статьи «К читателю». Вместо 14 «критериев» Тредиаковского, требующих точности перевода на разных его уровнях, Сумароков выдвигает лишь одно требование: перевод должен быть подчинен законам русского языка и должен звучать на нем естественно. Поэтому, по мысли Сумарокова, переводчик должен исходить не из текста оригинала, пытаясь передать строй его речи («В спряжение речей его ты не вдавайся»), а только из мысли автора («Творец дарует мысль, но не дарует слов»). Из этих строк, часто бездумно цитируемых в подтверждение заслуги переводчиков разных времен, становится ясным, почему молодой Сумароков не занимался переводами. Заявленное им понимание слова исключает всякую возможность перевода. Не вполне отдавая, вероятно, себе в этом отчета, Сумароков отрицает здесь понимание слова как выразителя мысли, отрицает неразрывную связь слова со смыслом. Почему творец (автор) не дарует слов, когда он выражает свою мысль определенными словами? Но он выражает ее словами иностранными, а переводчик должен выразить ее русскими словами.

Получается, что слова, означающие одно и то же понятие на разных языках, заведомо между собой не тождественны. В слове на первом месте оказывается не его смысл, а его лексические, грамматические, фонетические и другие особенности, которые в каждом языке свои. И таким образом, слово непереводаемо. И перевод в настоящем его смысле неосуществим, а осуществимо лишь переложение. Понятно, что, требуя, «чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же», Третьяковский (и стоявшая за ним русская переводческая традиция) исходил из заведомо иного понимания слова как такового.

Явная перекличка приведенных стихов из эпистолы «О русском языке» с рассуждениями о переводе в статье «К читателю» позволяет заключить, что начало полемики о переводе относится ко второй половине 1740-х гг. Возможно, поводом для нее стало завершение Третьяковским перевода трех первых томов «Древней истории» Роллена, труда, которому и переводчик, и Академия наук придавали большое значение. Рукопись перевода была представлена на отзыв в академическую конференцию в октябре 1745 г., и в начале следующего 1746 г. последовало разрешение ее к печати.²¹ Среди рецензентов был Ломоносов, через него или от самого Третьяковского перевод мог стать известным Сумарокову. Находясь в этот период хотя уже не в дружеских, но еще и не во враждебных отношениях, три недавних приятеля могли обсуждать перевод Роллена и встающие в связи с ним проблемы перевода. Возникшие тогда разногласия нашли отражение в эпистоле «О русском языке», прошение о печатании которой вместе с рукописью обеих эпистол было подано Сумароковым в декабре 1747 г.²² Эпистола «О русском языке», «первая» и по своему обозначению на титуле издания («Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве»), и по порядку публикации, и, вероятно, по времени написания могла быть начата еще в 1746 г., в период предполагаемых споров о переводе. Теме перевода в ней отведен 31 стих (25—30-й, 75—94-й) из 142, то есть четвертая часть всего ее объема.

Хотя предложенная хроника событий не выходит за рамки гипотезы, вполне, впрочем, правдоподобной, думается, что независимо от нее было бы правильным рассматривать все события 1747—1752 гг. в деле художественного перевода в свете двух пограничных и полярных высказываний о переводе: в 1747 г. в эпистоле Сумарокова и в 1752 г. в статье-предисловии «К читателю» Третьяковского. В их контексте становится более понятным неприятие Сумароковым и Ломоносовым перевода «Аргениды». Его латинизированный

²¹ Пекарский П. Третьяковский Василий Кириллович. С. 113.

²² Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 527.

синтаксис, как мы теперь понимаем, должен был показаться им неестественным. Вместе с тем и задачи, поставленные Тредиаковским при переводе этого романа и сформулированные в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» (конец 1750 г.), приобретают новый смысл ввиду позиции Сумарокова. Как будто отвечая на требование эпистолы «О русском языке»: «Коль речи и слова поставишь без порядка, И будет перевод твой некая загадка, Которую никто не отгадает ввек, То даром, что слова все точно ты нарек»,²³ Тредиаковский заявляет: «Итак, старался я, сколько мне было возможно, чтоб переводу моему быть вразумительну и иметь бы ему довольную ясность к угодности читателей < ..> Однако чтоб и перевод не казался без оных пиитических осанки, нигде больше, сколько сему роду сочинения благопристойныя, то было во мне тщание, дабы и у меня ей быть рассеянной по всем периодам, только ж бы без вреда желаемой всеми ясности».²⁴ И также вторя Сумарокову: («Другой < ..> По-русски, думает, всего сказать не можно, И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь Языком собственным, достойну только сжечь...»),²⁵ заверяет, что «ни одного от меня в сем сего автора токмо переводе не употреблено чужестранного слова».²⁶

Напряжение вокруг вопроса о переводе не ослабело к весне 1752 г., когда писалось предисловие «К читателю». Возможно, что сам замысел перевода «Науки» Буало возник в ходе споров о переводе вообще и о переводе стихотворных произведений в частности. Стихотворный перевод, в котором были достигнуты точность при передаче слов и смысла оригинала и эквilinearность (равное оригиналу число стихов), должен был убедить оппонентов в возможности при переводе передать смысл подлинника, а также строение стихотворной речи. В «Предуведомлении» к «Аргениде» Тредиаковский не настаивает на обязательности перевода стихов, содержащихся в романе, стихами, а скорее объясняет свое решение стихотворного их перевода тем, что «ежели б того не делать, то б вся экономия сея повести была разорена, и премного б красоты пропало».²⁷ А между тем именно для достижения эквиметрии в переводе латинских стихов романа им были разработаны его знаменитые гекзаметры и пентаметры. Эквиметрия, а не точность слов и эквilinearность была тогда главной его задачей. При переводе «Науки» Буало, размер которой, александрийский стих, мог казаться много более простым, чем латинские гекзаметры, главными задачами переводчика стали точность и эквilinearность. Считая, что решил

²³ Сумароков А П Эпистола I [О русском языке] С 114

²⁴ [Тредиаковский В К] Предуведомление от трудившегося в переводе // Барклай И Аргенида СПб, 1751 Т I С LX

²⁵ Сумароков А П Эпистола I [О русском языке] С 113

²⁶ [Тредиаковский В К] Предуведомление от трудившегося в переводе С LXI

²⁷ Там же С LXII

обе задачи, он мог показать свой труд своим оппонентам в споре о переводе, Сумарокову и Ломоносову. Приведенные в статье «К читателю» их реплики выражают скорее всего их прямую реакцию, а не предвиденные Третьяковским возражения. Стоит отметить, что перевод «Науки» Буало был сделан Третьяковским задолго до самого замысла издания «Сочинений и переводов», хотя впервые был напечатан именно там.²⁸ Возможно даже, что Третьяковский его окончил до начала 1751 г., когда разгорелся скандал вокруг его «Предуведомления» к «Аргениде», после которого всякое обсуждение своих трудов с Ломоносовым и Сумароковым едва ли было уже возможным. Реакция Сумарокова и Ломоносова на перевод Буало была для Третьяковского, по-видимому, неожиданной и, уж конечно, обидной. Уступая их неприятию стихотворного перевода «Науки» Буало, Третьяковский другую поэтику, Горация, переводит прозой, демонстрируя этим правомерность разных решений при переводе стихов. А одновременно, может быть, оберегая себя от новых насмешек. Не потому ли о переводе Горация в предисловии он говорит много меньше, чем о переводе Буало, что не ожидает встретить на него критику со стороны своих оппонентов в полемике о переводе? И ошибается.

По-видимому, в полемике о переводе не столь явственно, как вопрос о точности перевода, а в связи с ним и о самой возможности перевода ставился вопрос о способе передачи стихотворной речи стихами или прозой. В доказательство возможности стихотворного перевода Третьяковский приводит длинный перечень, состоящий главным образом из древнеримских переводов стихов стихами. Он обращен, по-видимому, к Сумарокову, к нему, должно быть, относится измененный затем пассаж статьи: «[Вы изволите говорить], что переводные стихи с стихов не могут быть хорошими, но <...> такая неправда изобличается многими образцами».²⁹ За их перечнем, по непонятной логике, следует перечень прозаических переводов прозы, в который неожиданно попадают прозаические переводы стихов. На этот раз примеры взяты уже не из древнеримской, а из французской переводческой практики: «О прозаическом переводе с прозы я уже и упоминать боюсь: задавит меня неисчетный полк достойных и великих переводчиков, теснясь предстать ко мне, как хотящему их по именам перекликать. Того ради не упоминаю об Абланкуре, переведшем Минуция-Феликса, Тацита, четыре Цицероновы слова, Луциана, „Отшествие десяти тысяч греков“ из Ксе-

²⁸ Датировку и ее аргументацию перевода Буало см.: *Алексеева Н. Ю.* Примечания к «Науке о стихотворении и поэзии с французских стихов Буало-Депреовых стихами ж» // Третьяковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. (В печати).

²⁹ *Третьяковский В. К.* К читателю. С. V. (СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 78. Л. 9).

нофонта, Арриана „Об Александровой войне“ <...> Умолчиваю также о Дасиерах, муже и жене, претолковавших с греческого Плутарховых „Славных мужей“ и Гомера, с латинского — Горация и частью Плавта...».³⁰

Стихотворные произведения Гомера и Горация Анна и Андре Дасье перевели прозой, прозой же Горация перевел и упомянутый далее Н.-Е. Санадон. И Тредиаковский Горация переводит прозой, используя в своей работе названные им здесь французские переводы.³¹ Содержала ли ссылка на признанных переводчиков Горация, Дасье и Санадона, объяснение правомерности решения переводить Горация прозой, сказать трудно. Как и трудно с уверенностью сказать, к кому был обращен этот длинный, явно со вкусом составленный, список французских прозаических переводов. Лишь дальнейший ход событий позволяет сделать осторожные предположения.

«Сочинения и переводы» Тредиаковского вышли в январе 1753 г.,³² а уже в марте 1753 г., спустя всего три месяца, вышла книжечка Н. Н. Поповского «Письмо к Пизонам», в которую наряду с переводом эпистолы Горация «К Пизонам» (*Argv poetica*) были включены переводы его четырех од и второго эпода. Почти одновременный перевод и издание одного и того же произведения предстает как соревнование в переводе, особенно если учитывать малочисленность в этот период литературных, в том числе переводных, изданий. Болезненную остроту этому соревнованию придавал тот факт, что Поповский еще недавно был учеником Тредиаковского, а теперь выступал против своего учителя. Какой смысл заключен в возникшем соревновании и кто был его инициатором? Мог ли юный Поповский вызвать на соревнование почтенного Тредиаковского, и зачем было искушенному в литературном труде профессору спорить со студентом? Все это необъяснимо, если не допустить вмешательство третьего лица, Ломоносова.

События, вероятно, развивались следующим образом. Тредиаковский первым подготовил свой перевод поэтики Горация, поскольку в издании он выполнял важную роль, едва ли зависимую от переводческих упражнений студента Поповского. Ломоносов познакомился с переводом Тредиаковского по рукописи «Сочинений и переводов», находившейся в период ее апробации в Историческом собрании (уносить рецензируемые рукописи запрещалось), и был, вероятно, не убежден в правомерности прозаического перевода стихов ни доводами Тредиаковского, ни самим его опытом в переводе Горация. Тогда он и предложил Поповскому перевести еще и

³⁰ Тредиаковский В. К. К читателю. С. VIII—IX.

³¹ См.: Алексеева Н. Ю. Работа В. К. Тредиаковского над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация // В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения. СПб., 2004. С. 60—69.

³² Объявление о продаже помещено в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 28 января 1753 г. (№ 9. С. 70).

эпистола к Пизонам, что тот и сделал. Задание могло быть дано Ломоносовым уже в июне 1752 г. (рукопись «Сочинений и переводов» находилась в Историческом собрании с 10 июня), а в конце декабря перевод был уже готов. В нарисованной последовательности событий обретает смысл торопливость Ломоносова, с которой он хлопотал об издании переводов Поповского. Уже 12 января 1753 г. он обратился с просьбой об этом в канцелярию.³³ Ломоносов, видимо, всю осень 1752 г., когда по разным причинам откладывался выход «Сочинений и переводов», надеялся успеть с переводом Поповского, чтобы два варианта поэтики Горация явились если и не одновременно, то с небольшим временным зазором. Впрочем, и эта хроника событий гипотетична. Независимо от того, как складывались обстоятельства, оба перевода вышли почти одновременно, и перевод Поповского явился не только вызовом переводу Тредиаковского, но и ответом на его рассуждение о прозаическом переводе в статье «К читателю».

Остроту конфликта, возникшего вокруг перевода Горация, позволяет оценить место из предисловия «К читателю». Тредиаковскому уже, по-видимому, в мае 1752 г. (предположительное время написания предисловия «К читателю») было известно о работе Поповского над переводами из Горация, которой он был явно не удовлетворен: «Или также, буде дастся сему переводчику [Тредиаковскому. — Н. А.] перевести сей Горациев стихок из несравненных его третья оды, книги третья ж:

Iustum et tenacem propositi virum

так, чтоб переводу быть гексаметрами, в двух стихах, и содержать бы целый разум, то есть, чтоб сей стих изображал следующий смысл: *муж правосудный, есть непоколебим в намерении своем* <...> а тот и переведет его так:

*Муж, праведно творяй суд купно милосердо,
В похвальнейших стоит намерениях твердо...*

то как не утвердить, по самой истине, что переводчик удовольствовал требуемое от него? Он точно изобразил Горациевы мысли; а несколько их обогащая не подменил за них противного разума словами».³⁴

По всей видимости, это место направлено против перевода Поповского двух первых стихов 3-й оды III книги Горация, который, как можно судить из критики Тредиаковского, не был ни эквилинарным, ни точным. Известный нам текст перевода Поповского та-

³³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. Служебные документы. 1742—1765 гг. С. 633.

³⁴ Тредиаковский В. К. К читателю. С. XII—XIII.

кую критику заслуживает лишь отчасти, поскольку он хотя и не эквилинеарен, но точен:

Кто правдой жить на свете тщится
И постоянным быть привык,
Тот гроз, мятежей не боится,
Его ниже народный крик,
Ни сам мучитель взором зверским,
Не склонит к действиям продерзким³⁵

Возможно, был более ранний вариант перевода, который и имел в виду Третьяковский. Неясность последнего его замечания проясняет исключенное из рукописи место, следовавшее после слова «обогащая»: «... он [Третьяковский. — Н А] не назвал *твердого постоянства* *неусыпным трудолюбием*, он и не положил *справедливого* после *непоколебимого*, ни *непоколебимого* *неленивым*, ни для того у него муж есть *постоянен*, что *правосуден и милостив*». Если признать, что Третьяковский метил в Поповского, то из приведенного по рукописи места следует, что ранняя редакция перевода Поповского сильно отличалась от окончательной, поскольку ни одного из приведенных Третьяковским выражений у Поповского нет. Не исключено, что под воздействием критики Третьяковского перевод был исправлен; в этой работе своему ученику мог помогать Ломоносов. Как бы ни был Поповский талантлив, невозможно предположить, чтобы столь блистательные стихи, как например приведенная строфа, могли быть написаны совсем еще юным поэтом. Напряжение и динамику закрученных ее строк в XVIII в. можно встретить только у Ломоносова, да и позднее такие строфы редкость. К тому же Ломоносов, прося об издании переводов из Горация Поповского, не упомянул, как это было двумя годами ранее при посылке И. И. Шувалову эклоги Поповского «Зима», что «не поправил» в них «ни единого слова».³⁶ Ломоносов в 1752 г. учил Поповского писать стихи и обязан был как раз поправлять его. Рука Ломоносова узнается в стиле и стиховом совершенстве переводов, доказательство чего, если и возможно, потребовало бы слишком много места, а также в их форме, что доказать много проще. Все четыре переведенных Поповским оды, имеющих в оригинале разную строфику, переданы на русский язык шестистишной строфой четырехстопного ямба. А всего за год с небольшим до работы Поповского его прежний учитель Третьяковский с законной гордостью предлагал в «Предуведомлении» к «Аргениде» свой перевод оды

³⁵ Поповский Н. Н. [Из Горация] Книга III, ода III // Поэты XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана, подгот. текста и примеч. Н. Д. Кочетковой Л., 1972. Т. 1. С. 117 (Библиотека поэта). Тот же вариант перевода сохранился в авторской рукописи (СПбФРАН Р. II. Оп. 1. № 58. Л. 4).

³⁶ Ломоносов М. В. Письмо И. И. Шувалову от 8 мая 1751 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 470.

Горация («Не всегда дожди льют наводнение...»), выполненный им эквиметрично оригиналу сложной и неизвестной ранее на русском языке горацианской строфой. 9-я ода II книги, переведенная им, в оригинале написана той же горацианской строфой, что и 3-я ода III книги, переведенная Поповским. И латинский пентаметр «*Agroetis*» Поповский переводит не эквиметрично, а шестистопным ямбом. Третьяковский же, когда позднее в одной из своих статей приведет цитату из поэтики Горация, передаст ее русским пентаметром:

Как листья на деревьях ежегодным меняются кругом,
Падают прежни, так — старый век речей погибает ³⁷

А ведь к 1752 г. русский антикизированный пентаметр был Третьяковским уже разработан. Но Ломоносов смотрел на поэзию иначе, чем Третьяковский, и загнал своего ученика в строгие рамки ямба. Предпочтение Ломоносовым ямба разнообразию антикизированных форм имеет многие причины. Одна из них связана с влиянием немецкого классицизма, отличающегося строгостью поэтических форм. В своем переводе «Письма к Пизонам» Поповский ориентировался на немецкий перевод поэтики Горация, выполненный И. Хр. Готшедом александрийским стихом.³⁸ Зависимость перевода Поповского от Готшета требует специального исследования, пока можно сделать лишь несколько предварительных замечаний. Оба перевода существенно превышают объем оригинала: 476 стихов Горация у Готшета выросли в 682 стиха, у Поповского — в 652. И Готшед, и Поповский изменяют синтаксическое членение стихотворной речи Горация, почти повсеместно разбивая горацианские строки на четверостишия, реже шестистишия, что отчасти было продиктовано требованием рифмы. В большей части мест Поповский повторяет синтаксическую организацию стихотворной речи Готшета, а значит, немецкий перевод был по крайней мере посредником в его работе. Свой перевод Поповский снабдил только тремя примечаниями. Одно из них представляет буквальный перевод начала одного из примечаний Готшета: «*Oden — Dies ist der allgemeine Name aller Lieder .*»³⁹ — «Здесь Горация понимает оду общим именем песнь .»⁴⁰ Впрочем, отдельные смысловые места перевода Поповского показывают, что он использовал не только перевод Готшета, но и другие переводы. Круг их предстоит еще выяснить.

³⁷ [Третьяковский В К] О слове, или словесности // Роллень Ш Римская история от создания Рима СПб, 1763 Т 7 С 13

³⁸ *Gottsched I Chr Von der Dichtkunst // Gottsched I Chr Versuch einer critischen Dichtkunst für die Deutschen Leipzig, 1737 S 11—64*

³⁹ *Ibid S 18*

⁴⁰ *Гораций Флакк* Письмо о стихотворстве к Пизонам, перевод Поповского СПб, 1753 С 61

Книга Поповского заключала в себе еще один соревновательный труд — перевод второго эпода Горация, который был переложен Третьяковским и вошел во второй том его «Сочинений и переводов». Но какова была здесь последовательность событий, остается только гадать. Соревновательный характер в обращении к эподу Горация позднее был подчеркнут самим Третьяковским в статье «О беспорочности и приятности деревенския жизни», в конце которой был помещен его прозаический перевод того же эпода, за которым следовали подражание Третьяковского и перевод Поповского. Читателю предлагалось «усмотреть к большему своему удовольствованию, не лучше ль наши стихотворцы изобразили мысли римского пиита рифмами, нежели я свободным слогом».⁴¹ Таким образом, в 1757 г., когда писалась статья, Третьяковский по-прежнему считал возможной разную форму перевода стихов — и прозой («свободным слогом»), и стихами («заключенным слогом»). Однако в это время вызов на соревнование в форме перевода кажется уже анахронизмом. С выходом в свет книги Поповского «Письмо к Пизонам» сомнения в преимуществе стихотворного перевода рассеялись. В середине 1750-х гг. уже и Сумароков, отрицавший когда-то возможность стихотворного перевода, переводит стихами немецких и французских поэтов.

Полемика о переводе, наверное, включала в себя и неучтенные здесь мнения как главных ее участников: Третьяковского, Сумарокова и Ломоносова, так и пока не выявленных. Дальнейшее исследование этой проблемы может привести к заполнению лакун в предложенной с большими или меньшими допущениями реконструкции спора. Пока же можно говорить о том, что полемика касалась двух основных вопросов: смысловой точности перевода и точности в передаче формы оригинала. В ретроспекции русской переводческой традиции, славящейся своей виртуозностью в достижении точности на самых разных уровнях текста, спор середины XVIII в. может казаться наивным, а его напряжение неоправданным. Но именно эта дистанция сложившейся переводческой культуры свидетельствует о серьезности обсуждаемых более чем два (половиной) века назад вопросов. Их постановка, уровень обсуждения и решение как раз и определили будущее русской переводческой школы. Споры велись в тот период времени, когда успех новой русской поэзии был уже закреплен, а пришедшая вместе с ней новая для русской литературы ориентация на французский и немецкий классицизм, воспринятая вначале как должное, стала предметом обсуждения. Старая русская литературная культура подвергалась ревизии, на ее место должна была прийти новая культура класси-

⁴¹ [Третьяковский В. К.] О беспорочности и приятности деревенския жизни // Ежемесячные сочинения. 1757. Июль. С. 68.

цизма, во всей ее полноте. В этой связи вопрос о переводе, имеющий, на первый взгляд, чисто практическое значение, выявлял, как мы пытались показать, фундаментальные основания самого понимания литературы. Разность позиций в решении вопроса о точности перевода была связана с разностью понимания слова как такового и значения его в произведении литературы. Впрочем, эта проблема в статье только намечена, и ее решение требует специального и глубокого исследования. Пересмотр старой русской литературной традиции, в том числе и переводной, вероятно, никогда бы не достигнул того напряжения, каким отмечены споры первых русских классицистов, если бы одним из их участников, а вернее, по-видимому, зачинщиком не был Сумароков. Действительно, только с его возмужанием, наступившим к концу 1740-х гг., в России начинается интенсивная литературная жизнь, с критикой, спорами, руганью. Не знавший ни церковнославянского языка, ни старой науки поэзии, а вместе с тем и не прошедший университетских курсов, молодой Сумароков мог позволять себе высказывать мнения неосновательные и категоричные. Он был первым из русских авторов, кто смотрел на старую русскую литературную культуру со стороны и многое в ней не понимал и отвергал. Но как бы ни были «досадительны», по выражению Третьяковского, мнения Сумарокова, его неумность и напористость приводили к обсуждению важных вопросов, к выяснению и утверждению принципов русского классицизма. Poleмика о переводе показывает, что они являлись не результатом прямого заимствования французских или немецких установлений, а рождались в обсуждении, спорах, в пробах и ошибках. При этом западная традиция русскими авторами учитывалась. Так, в своем отрицании стихотворного перевода Сумароков мог полагаться на мнение французских переводчиков и филологов, считавших, как и он, что стихотворные переводы не в состоянии передать поэзию подлинника, притом что они более искажают смысл, чем перевод прозаический. Поэтому во французской культуре к середине XVIII в. уже сложилась традиция прозаического перевода стихов, которая преобладает в ней и по сей день. Переводя поэтику Горация прозой, Третьяковский не только использовал французские переводы, но и опирался на французскую переводческую традицию. В переводе той же поэтики Поповский и стоявший за его спиной Ломоносов обратились к опыту немецкого классицизма. В немецкой литературной культуре царил существенно большее разнообразие в понимании перевода, чем во французской, да и сама она, в силу раздробленности Германии, не была единой. Классицисты, представлявшие нижнюю Германию, Саксонию и Пруссию, стихи стремились переводить стихами. Эта традиция осталась ведущей в немецкой поэзии и в дальнейшем. Спор русских поэтов о переводе приобретал, таким образом, оттенок спора о выборе веры. К чему склониться, к французским нормам перевода или к немецким. Бла-

годаря переводу Поповского вопрос о форме перевода поэзии был снят. Образцовым переводом стихотворных произведений был признан стихотворный перевод. В этом смысле немецкий вариант перевода восторжествовал. Но, признавая достоинства стихотворного перевода, русские переводчики в большинстве своем переводили прозой. Это обуславливалось как сравнительной простотой прозаического перевода, так и тем, что большая часть переводов выполнялась ими с французских прозаических переводов иноязычной поэзии.⁴² К концу XVIII в. прозаические переводы в России все более становились явлением литературной периферии.

Говорить о победе немецкого влияния в русском стихотворном переводе можно лишь с большими оговорками. Если мы относим к признакам немецкой классицистической традиции перевода передачу стихов стихами при упрощении стихотворной формы подлинника, то следует иметь в виду, что и поэзия русского классицизма была на редкость ограничена в своих формах. Упрощение при переводе формы подлинника нельзя поэтому приписывать исключительному влиянию немецкого классицизма, скорее оно было обусловлено обстоятельствами развития самой русской поэзии. При этом, однако, стоит помнить, что в период времени, когда гекзаметр или пентаметр принято было переводить шестистопным ямбом, а строфу Горация — четырехстишной строфой четырехстопного ямба, в Петербурге жил Тредиаковский, переводивший древних эквиметрично. Допуская возможность прозаического перевода, который, по его мнению, не проще стихотворного,⁴³ он при переводе стихов стихами следовал русской переводческой традиции, стремясь к достижению точности смысла и эквивалентности формы. Но голос его был гласом вопиющего в пустыне. Лишь постепенно, уже к концу века, точность перевода, его эквиметричность и эквилинейность стали признаваться главными достоинствами стихотворного перевода, и уже в начале XIX в. разработанные Тредиаковским античные метры вызывали пристальное к себе внимание. В освоении принципов точного эквиметричного перевода можно увидеть процесс восстановления старой русской переводческой традиции. Ключевым моментом, точкой сопряжения старого с новым оказывалось в этом процессе переводческое творчество Тредиаковского.

⁴² Данилевский Р. Ю., Кочеткова Н. Д., Левин Ю. Д. Глава IV // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1996. С. 141—145.

⁴³ Тредиаковский В. К. К читателю. С. III.